

Муравьева Инна Ивановна

ФОНДЫ ВОЛОСТНЫХ КОМИТЕТОВ ВКП(Б) КАК ИСТОЧНИК ПО ИСТОРИИ ТАМБОВСКОГО КРЕСТЬЯНСКОГО ВОССТАНИЯ 1920-1921 ГОДОВ

В статье рассмотрен информационный потенциал фондов волостных комитетов ВКП(б) Государственного архива социально-политической истории Тамбовской области для изучения предпосылок, хода и последствий Тамбовского крестьянского восстания 1920-1921 годов. Документы фактически не вводились в научную практику. На конкретных примерах показаны возможности данного вида исторического источника для научного исследования региональных особенностей крестьянского протеста.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/3/2017/6-2/14.html

Источник

Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2017. № 6(80): в 2-х ч. Ч. 2. С. 75-79. ISSN 1997-292X.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/3.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/3/2017/6-2/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net
Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: hist@gramota.net

15. ГАРФ. Ф. 102ДП. ОО. 1911.
16. Государственный архив социально-политической истории Тамбовской области (ГАСПИТО). Ф. П-842. Оп. 1.
17. Государственный архив Тамбовской области (ГАТО). Ф. 950. Оп. 2.
18. ГАТО. Ф. 1049. Оп. 2.
19. ГАТО. Ф. Р-414. Оп. 1.
20. ГАТО. Ф. Р-1413. Оп. 1.
21. ГАТО. Ф. Р-1413. Оп. 2.
22. ГАТО. Ф. Р-4075. Оп. 3.
23. Известия: орган Кирсановского уездного совета крестьянских и рабочих депутатов. Кирсанов, 1918. 13 сентября.
24. Крестьянское движение в Тамбовской губернии. 1917-1918: документы и материалы / сост. В. П. Данилов. М.: РОССПЭН, 2003. 480 с.
25. Мещеряков Ю. В. Тамбовская губерния в начальный период Советской власти. Октябрь 1917 – август 1918 г. Тамбов: Пролетарский светоч, 2012. 424 с.
26. Самошкин В. В. Антоновское восстание. М.: Русский путь, 2005. 360 с.
27. Тамбовский земский вестник. Тамбов, 1917. № 119. 1 июня.
28. Тамбовский земский вестник. Тамбов, 1917. № 120. 2 июня.
29. Центральный государственный архив города Москвы (ЦГАМ). Ф. 203. Оп. 768.
30. ЦГАМ. Ф. 203. Оп. 771.

LIFE TRAJECTORIES OF A. S. ANTONOV'S FAMILY AND RELATIVES

Litovskii Andrei Nikolaevich
Rasskazovo town, Tambov region
andreinikitov@mail.ru

Zaitseva Margarita Yur'evna
Tambov
bg-master@mail.ru

In the article previously unknown to researchers biographical data on the leader of the peasant rebellion in Tambov province Aleksandr Stepanovich Antonov, as well as his family and relatives, are published. The authors tried to get as close as possible to truth, reconstructing biographies of Antonov's family members with the help of rare family photos and archival data introduced into scientific use for the first time.

Key words and phrases: The Civil War; peasantry; Tambov province; A. S. Antonov; biographies.

УДК 930.25

Исторические науки и археология

В статье рассмотрен информационный потенциал фондов волостных комитетов ВКП(б) Государственного архива социально-политической истории Тамбовской области для изучения предпосылок, хода и последствий Тамбовского крестьянского восстания 1920-1921 годов. Документы фактически не вводились в научную практику. На конкретных примерах показаны возможности данного вида исторического источника для научного исследования региональных особенностей крестьянского протеста.

Ключевые слова и фразы: Тамбовская губерния; крестьянское восстание; волостная партийная организация; волком ВКП(б); источниковедение; исторический источник; крестьянство.

Муравьева Инна Ивановна

Государственный архив социально-политической истории Тамбовской области
muravyova@arh.tambov.gov.ru

ФОНДЫ ВОЛОСТНЫХ КОМИТЕТОВ ВКП(Б) КАК ИСТОЧНИК ПО ИСТОРИИ ТАМБОВСКОГО КРЕСТЬЯНСКОГО ВОССТАНИЯ 1920-1921 ГОДОВ

Создание широкой документальной базы, всесторонне отражающей историю крестьянского восстания в Тамбовской губернии 1920-1921 годов, продолжает оставаться насущной научной и общественной потребностью [1, с. 3].

В научную практику фактически не введены документы фондов волостных комитетов ВКП(б) Тамбовской губернии. Обращение к архивным документам волостных партийных организаций способствует исследованию предпосылок, хода и последствий крестьянского восстания на микроуровне.

В Государственном архиве социально-политической истории Тамбовской области находится на хранении 109 фондов волостных комитетов ВКП(б) Борисоглебского (1 фонд), Кирсановского (51 фонд), Козловского (7 фондов), Моршанского (7 фондов), Тамбовского (43 фондов) уездов [24, с. 30-34]. Таким образом, наибольшее количество фондов относится к основным «мятежным» уездам губернии (фонды волкомов

Борисоглебского уезда находятся на хранении в Государственном архиве общественно-политической истории Воронежской области) [3].

Вышеуказанные фонды насчитывают более 200 дел, датированных 1920-1921 годами. По информационной насыщенности документы, несомненно, уступают фондам укомов и губкома партии. Но их главная историческая ценность заключается в наличии первичной информации в отличие от обобщенной инструкторами уездных партийных комитетов с привнесением определенной доли субъективизма в оценку происходящих событий.

Видовой состав документов традиционен для партийного делопроизводства. Это протоколы общих собраний или конференций, заседаний бюро, президиума сельских, районных, волостных партийных ячеек, в том числе совместных с членами волостных и сельских исполкомов Советов, ревкомов, воинскими частями, циркулярные и товарищеские письма, отчеты, докладные записки, заявления граждан, переписка с местными и вышестоящими партийными и советскими органами. Некоторые протоколы собраний волостных ячеек ВКП(б) написаны на обороте делопроизводственных документов середины XIX века. Основным способом воспроизведения текста – рукописный.

Среди документов следует выделить отчеты районных организаторов, секретарей райкомпартов, в которых обязательным пунктом рассматривался вопрос о политических настроениях населения. Институт райорганизаторов начал создаваться в губернии в конце декабря 1918 года после решения 3-й конференции Тамбовской губернской организации РКП(б) от 3 декабря 1918-го для связи укомов РКП(б) с волостными и сельскими ячейками [8, д. 13, л. 2 об.]. За каждым райорганизатором закреплялся определенный район деятельности в составе нескольких волостей, которые он должен был периодически объезжать, инспектировать и инструктировать. По состоянию на 1 декабря 1920 года Тамбовская губерния была разделена на 66 партийных районов, из них в 26 были образованы районные комитеты – райкомпарты, в остальных работали назначенные укомами райорганизаторы [Там же, д. 1363, л. 12, 29].

В последние годы возрос научный интерес исследователей к естественно-историческим предпосылкам восстания [22], отдельным социально-экономическим факторам, послужившим толчками к антигосударственным выступлениям того или иного населенного пункта [20], личным мотивам участия в восстании отдельных рядовых повстанцев [21].

По мнению историков-аграриев, «российская деревня, как самодостаточный организм, с давним и привычным опытом выживания, не принимала государства с его требованиями» [1, с. 4]. Тем более она не приняла новую политическую элиту, которая формировалась в основном или из социально чуждых городских рабочих, или из местной, не менее презираемой, «голытьбы».

Документы волкомов наглядно показывают, насколько политика большевиков имела активных сторонников в деревне. Тамбовская губерния, не имевшая большевистских традиций до Октябрьской революции (по мнению лидера тамбовских большевиков Б. А. Васильева [2, д. 115, л. 22]), не приобрела их и к лету 1920 года. После рейда 4-го Донского конного корпуса генерала К. К. Мамонтова к октябрю 1919 года в губернии насчитывалось 3954 коммуниста [23, с. 95]. Но уже 15 июля 1920 года 9-я конференция губернской организации РКП(б) отметила, что партийная организация окрепла и увеличилась численно (10058 членов и 3106 кандидатов) [19, с. 35], т.е. 2/3 ее составили вновь принятые в ходе партийных недель, не имевшие соответствующего политического опыта.

Архивные документы свидетельствуют как о малочисленности сельских и волостных партийных ячеек, так и единичном количестве коммунистов в них с крайне низким уровнем общей грамотности и политической подготовки. «Ячеек РКП(б) во всем районе 7. Всего членов состоит 90 человек, из коих активных работников максимум 10-11» (из доклада помощника райорганизатора Сампурского района Сыщикова от 12 июня 1920 г.) [6, д. 1, л. 68]. «50% товарищей неграмотны, а если и читают, то по складам, с трудом расписываются на партийных собраниях» [15, д. 65, л. 64 об.].

Кроме того, в мае-июле 1920 года проводилась мобилизация «лучших коммунистов» на Западный фронт. Наиболее активно она осуществлялась в Тамбовском и Кирсановском уездах, где формировались сводные коммунистические отряды для Западного фронта. На районных партийных конференциях в июле 1920 года в докладах с мест звучит: «ведение советской и политической работы совершенно состоит на точке замерзания» [9, д. 2, л. 112 – 113 об.]. «Везде и всюду все разваливается, царит расхлябанность и разгильдяйство... Нужно быть делопроизводителем, машинистом, организатором, инструктором, администратором и разного рода уполномоченным и всем, чем хотите...» (из письма райорганизатора Инжавинского района Севостьянова от 4 августа 1920 г.) [15, д. 63, л. 77 об.].

В ряде заявлений крестьян о приеме в члены «стоящей у власти Коммунистической партии» с обязательным указанием на свое крайне бедственное социальное положение отчетливо прослеживаются явно «шкурнические» интересы вступающих, желание поправить свое экономическое положение [7, д. 1, л. 50].

Таким образом, в сельской местности не оказалось реальной политической силы, способной предупредить зреющий социальный взрыв. Многие местные большевики также осуждали продовольственную диктатуру государства, так как голодали наравне с крестьянами. Именно голод вынуждал их оставлять партийную работу и заботиться о пропитании своих семей. Часть партийного руководства встала на путь злоупотреблений, открытого воровства, что в условиях «прозрачности» сельского бытия не могло остаться незамеченным и не вызвать озлобленности у рядовых крестьян [13, д. 65, л. 115].

В условиях роста социальной напряженности возрастала роль человеческого фактора в альтернативности развития событий. В документах подчеркивается, что с учетом «контрреволюционности населения необходимо нужны хорошие работники, администраторы и пользующиеся от населения доверием» [15, д. 63, л. 35 об.].

В протоколе экстренного собрания членов Инжавинской волостной организации РКП(б) от 30 июня 1920 года отмечается:

«В настоящее время волость испытывает продовольственный кризис, и волисполком осаждается тысячами женщин и детей, нуждающихся в продовольствии, с которыми вести дело нужно не только умело и с большой опытностью, но надо знать хорошо психологию местного населения, чтобы выйти в нужный момент из критического положения, как с той, так и с другой стороны, что только удавалось тов. Семенову [пред. Инжавинского волисполкома], и всегда на население его распоряжения и приказы действуют успокаивающе, что в настоящее время ввиду выкачки хлеба и усиленной подводной [гужевой] повинности очень важно...» [Там же, л. 35 об. – 36].

Термином «выкачка хлеба» оперировали не только продкомиссары, но и низовые партийно-советские работники. Эти два слова не были лозунгами или деловым жаргоном продагентов – это были реалии того времени [13, д. 44, л. 8-9].

Председатель Земетчинского сельсовета Моршанского уезда Е. И. Федяшев прямо говорил односельчанам: «Товарищи крестьяне, отдайте излишки, которые с вас полагаются, иначе – или вы меня убивайте, или я вас погублю» [18, д. 2, л. 47 об.]. Земетчинский сельсовет занимал одно из первых мест по выполнению планов продразверстки в Моршанском уезде.

«Качество» местной власти нередко определяло «мирную» или «вооруженную» линию поведения крестьян по отношению к ней. В протоколе заседания Знаменского волкомпарта от 23 сентября 1920 года приводится следующий факт: «20 сентября 1920 года в Знаменской волости при нашествии бандитов граждане означенной волости встретили последних весьма враждебно. Все граждане по отношению к партийным товарищам держали себя весьма выдержанно. Многим из граждан угрожали страхом смерти, но ни один ни одного знака к выдаче рядом стоявших товарищей партийных не показал, чем спасли жизнь многих партийных товарищей, а поэтому в честь благодарности всей власти заседание волкомпарта просит уисполком, уездсекцию и упродком возбудить ходатайство о сложении с волости всей годовой разверстки хлеба и об удовлетворении населения волости предметами первой необходимости» [4, д. 58, л. 14, 14 об.]. Не менее показательна имеющаяся на ходатайстве резолюция: «...по мнению отдела управления означенные в данном протоколе партийные товарищи нуждаются в усиленном воздействии по разъяснению смысла государственной разверстки» [Там же, л. 14].

В донесениях районные организаторы откровенно выделяют два основных «ненормальных явления», послуживших успехом крестьянскому повстанческому движению. Так, в докладе райорганизатор Оржевского района Кирсановского уезда Г. Н. Елизаров от 5 августа 1921 года отмечает: «Оно [население] помнит, как коммунисты, работающие в уезде, очень часто превышали свою власть, часто делали незаконные поступки, которые в корне дискредитировали советскую власть, и своими узурпаторскими жандармскими выходками до глубины души возмущали крестьянские массы. И это не было проявление диктатуры к не подчиняющимся советской власти крестьянским массам, а наоборот, затронуты были интересы крестьян, искренне преданных советской власти, что подтверждаю своим личным наблюдением...»

Плюс к этому прибавилась неумело проведенная продразверстка. Уполномоченные и агенты упродкома очень часто проявляли недопустимый деспотизм. Они пороли граждан плетью, нередко занимались пьянством и открыто хулиганили. Впоследствии некоторые из этих типов оказались в банде...

Отношение же вообще населения к советской власти, несмотря на то, что во главе правления стоит Коммунистическая партия, очень сочувственное» [17, д. 29, л. 10 об. – 11 об.].

Для изучения этапов и социальной базы крестьянского движения интерес представляет информация Инжавинского райкомпарта от 25 марта 1921 года о росте «уголовного бандитизма» в связи с катастрофическим экономическим положением населения к весне 1921 года: «Среди населения все более выливаются вопли, вздохи и ненависть на настоящее – “что будем делать и как кормиться”, а о засевах полей и разговора очень мало, так как крестьянство, как будто, уже совсем отчаялось от обсеменения таковых. Большинство населения питается разного рода суррогатами, лебедой, пареной чечевичной, мякиной и др., появляются уже случаи голодной смерти... В большинстве волостей возникает второй бандитизм, только на экономической основе, – вооруженные грабежи, воровство и т.п., борьба с которым предстоит серьезная» [15, д. 65, л. 115].

Документы Сампурского волкома ВКП(б) интересны попытками волкомпарта принять упреждающие меры по разрыванию восстания в волости. Фонд содержит материалы о сложных взаимоотношениях между коммунистическими организациями и судебными органами – ЧК, особым отделом ревтрибунала, народными судами [6, д. 1].

В фонде Пахотно-Угловского волкома ВКП(б) имеется протокол объединенного заседания Казыванского волревкома с военными коммунистами сводного дивизиона бригады Г. И. Котовского от 17 августа 1921 г. о взаимоотношениях волревкома и коммунистов воинских частей, «о ликвидации и искоренении плохих выходов, как со стороны крестьян, так и красноармейцев, восстановления полного дружелюбия». На заседании было решено создать комиссию из двух коммунистов (военного и гражданского) для поездки по району и сбора более подробных материалов от граждан, как на военных, так и на членов волревкома и сельсовета. После рассмотрения предоставленных материалов и заключения собрания «виновные преданы самому строгому суду» [14, д. 5, л. 5].

Важная тема – изучение последствий крестьянского восстания, особенно его влияния на структуру и психологию крестьянского общества. На разрушение крепости крестьянских традиций была направлена вся силовая политика власти, в борьбе с «бандитами и дезертирами» крестьянин не должен иметь «ни кума, ни свата, ни брата» [16, д. 1, л. 37].

С вооруженным сопротивлением крестьян расправились с помощью регулярных частей Красной Армии, но дух вражды и ненависти между противоборствующими сторонами невозможно было подавить с помощью штыков. Ряд документов свидетельствует о неоднозначном отношении крестьян к бывшим «бандитам», отбывшим наказание. «Крестьянство страшно возмущается тем, что те бандиты, виновность которых они сами признали, выпускаются на свободу. Крестьяне только и говорят о том, что с уходом Красной Армии они снова подымут свои грязные руки, уже обгаренные кровью коммунистов, на советскую власть, и перебьют всех» [15, д. 65, л. 63].

В этом плане заслуживает внимания документ из бывшего эпицентра Антоновского движения – воззвание Каменской ячейки РКП(б) и Каменского райревкома к коммунистам Каменского района от 28 октября 1921 года [дата регистрации документа]: «...Банда ликвидирована. Нет крупных шаек эсеров-бандитов, но есть дух в народе эсеровский, который еще далеко не ликвидирован в нашем районе, поэтому каждый должен помнить, что работа еще не окончена, и много придется потрудиться среди темных масс.

...Кто бы он ни был – бандит ли, простой ли хулиган – помни, каждый коммунист, что повторение зла есть зло с плохим последствием. Остынь от воинственного духа, возьми себя в руки, перейди к коммунистической работе, как бы совершенно вновь взявши в руки это дело» [5, д. 1, л. 83].

В фондах есть информация, что семьи бывших «антоновцев», а также и сами участники крестьянского движения начали возвращаться в родные места с декабря 1921 года [12, д. 1, л. 39]. Документы содержат как сведения о выдаче семьям «антоновцев» ржи, проса, картофеля из урожая, собранного крестьянской общиной с их же полей, так и заявления граждан на «ярких бандитов», отпущенных советской властью.

Для изучения повстанческого крестьянского лагеря интерес представляют протоколы дознаний, именные списки «бандитов и дезертиров» Васильевской, Куньевской волостей Тамбовского уезда за сентябрь 1921 г. – июнь 1922 г. [9, д. 9, л. 264 – 280 об., 353-364; 10, д. 6, л. 95 – 98 об.; 11, д. 6, л. 234 об. – 236 об.].

В 90-е годы прошлого века в отечественной историографии масштабно освещались карательные стороны государственной политики в отношении тамбовских повстанцев. На второй план отошли «мирные» формы завоевания политических симпатий крестьянства, восстановления доверия к существующей власти. В то время особое внимание уделялось качественному составу партийно-советских работников. «Наши советские органы, начиная с райревкомов и кончая сельсоветами, должны быть чисты, как кристалл, абсолютно честны, неподкупны и беспристрастны... Предупреждать всякую возможность проявления беззаконий или самодурства, не оставлять без внимания ни одного малейшего случая незаконных, нетактичных, невыдержанных действий представителей советской власти. Давать надлежащий ход заявлениям и жалобам крестьян на действия органов и представителей власти» [14, д. 5, л. 14].

Предлагалось искать разные формы взаимодействия с крестьянами и не только при решении их насущных экономических и хозяйственных задач. Так, Сампурский райкомпарт, используя частые жалобы крестьян на то, что «в дореволюционное время можно было гораздо легче получить какие бы то ни было справки, чем в революционное», предлагал местным партийным ячейкам оказать помощь крестьянам в этом направлении. Каждой волостной ячейке предлагалось организовать справочное бюро, с обязательным дежурством в ней поочередно всех членов РКП(б), независимо от занимаемой должности. В справочное бюро мог обратиться любой крестьянин с просьбой оказать помощь в получении справок, направлении запросов в соответствующие организации по поводу розыска ушедших в Красную Армию родственников и т.п. [6, д. 2, л. 18, 18 об.].

Таким образом, информационный потенциал фондов волостных комитетов ВКП(б) достаточно широк и многообразен. Использование данного вида исторического источника способствует более углубленному пониманию социально-экономических, политических, психологических факторов, определивших региональные особенности крестьянского движения в губернии.

Список источников

1. **«Антоновщина»: крестьянское восстание в Тамбовской губернии в 1920-1921 гг.:** документы, материалы, воспоминания. Тамбов: Управление культуры и архивного дела Тамбовской области, 2007. 800 с.
2. **Васильев Б. А.** Красный Октябрь. Четвертая годовщина. Тамбов, 1921 // Государственный архив социально-политической истории Тамбовской области (ГАСПИТО). Ф. П-9019. Оп. 1.
3. **Государственный архив общественно-политической истории Воронежской области:** путеводитель. Воронеж: Истоки, 2006. 420 с.
4. **Государственный архив социально-политической истории Тамбовской области** (ГАСПИТО). Ф. П-362. Оп. 1.
5. ГАСПИТО. Ф. П-363. Оп. 1.
6. ГАСПИТО. Ф. П-364. Оп. 1.
7. ГАСПИТО. Ф. П-482. Оп. 1.
8. ГАСПИТО. Ф. П-840. Оп. 1.
9. ГАСПИТО. Ф. П-843. Оп. 1.
10. ГАСПИТО. Ф. П-844. Оп. 1.
11. ГАСПИТО. Ф. П-847. Оп. 1.
12. ГАСПИТО. Ф. П-849. Оп. 1.
13. ГАСПИТО. Ф. П-850. Оп. 1.
14. ГАСПИТО. Ф. П-853. Оп. 1.
15. ГАСПИТО. Ф. П-964. Оп. 1.
16. ГАСПИТО. Ф. П-1049. Оп. 1.
17. ГАСПИТО. Ф. П-1986. Оп. 1.
18. ГАСПИТО. Ф. П-7843. Оп. 1.

19. **Зыбко Н. П.** Тамбовская партийная организация в годы гражданской войны и иностранной интервенции (1918-1920 гг.). Тамбов: Книжное издательство, 1961. 40 с.
20. **Иванов Д. П.** «Антоновские» и «неантоновские» села в крестьянском восстании в Тамбовской губернии в 1920-1921 гг. // Альтернативы XX века: Россия и мир в поисках идеального сценария исторического развития: сб. трудов молодых ученых. Тамбов: Изд-во ТГУ им. Г. Р. Державина, 2008. С. 63-75.
21. **Иванов Д. П.** Мотивы участия крестьян в Тамбовском восстании 1920-1921 гг. // Крестьянский фронт, 1918-1922 гг.: сб. статей и материалов / сост. и науч. ред. А. В. Посадский. М.: АИРО-XXI, 2013. С. 330-349.
22. **Иванов Д. П., Канищев В. В.** Естественно-исторические предпосылки Тамбовского восстания 1920-1921 гг.: учеб. пособие. Тамбов: Центр-Пресс, 2011. 55 с.
23. **Очерки истории Тамбовской организации КПСС.** Воронеж: Центр.-Чернозем. книжное изд-во, 1984. 503 с.
24. **Центр документации новейшей истории Тамбовской области:** путеводитель. М.: Просветительно-издательский центр «Звенья», 2002. 440 с.

FUNDS OF VOLOST COMMITTEES OF THE ALL-UNION COMMUNIST PARTY OF BOLSHEVIKS AS A SOURCE ON HISTORY OF TAMBOV PEASANT REBELLION OF 1920-1921

Murav'eva Inna Ivanovna

*State Archive of Socio-Political History of Tambov Region
muravyova@arh.tambov.gov.ru*

The article examines the informational potential of the funds of the volost committees of the All-Union Communist Party of Bolsheviks of the State Archive of Socio-Political History of Tambov region to study the backgrounds, course and consequences of 1920-1921 Tambov peasant rebellion. The documents have not been previously introduced into scientific use. By concrete examples the author shows the potentials of this historical source for scientific analysis of the peasant rebellion's regional peculiarities.

Key words and phrases: Tambov province; peasant rebellion; volost party organization; volost committee of the All-Union Communist Party of Bolsheviks; source study; historical source; peasantry.

УДК 94(470.326)“19”.001.7

Исторические науки и археология

В статье анализируются экономические итоги социализации земли. Делается вывод о том, что земельные отношения, сформированные под влиянием большевиков, наряду с политикой «военного коммунизма», привели к резкому падению площадей посевов, а затем и к сокращению валовой продукции в аграрном секторе. Данные процессы оказали негативное воздействие на динамику развития крестьянских хозяйств. Руководство страны стало рассматривать крестьянство как источник ресурсов для города. В статье изучается экономическое положение уездов, ставших очагом Антоновского восстания.

Ключевые слова и фразы: социализация земли; Антоновское восстание; деревня; урожайность; Тамбовская губерния.

Николашин Вадим Павлович, к.и.н.

*Мичуринский государственный аграрный университет
nikolashin.vadim@yandex.ru*

ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ИТОГИ СОЦИАЛИЗАЦИИ ЗЕМЛИ И ИСТОКИ АНТОНОВСКОГО ВОССТАНИЯ

Проблема реформирования аграрного сектора увязана с общественно-политическими изменениями и социальными сдвигами в деревне. Данные процессы усложняются под воздействием военных действий. Накануне Антоновского восстания эти два фактора усиливали друг друга, приводили к расшатыванию вековых аграрных устоев.

В ходе Первой мировой войны крестьянство выступало основным донором военно-мобилизационных процессов. Кроме того, накануне Антоновского восстания градус конфликтности в тамбовской деревне возрастал под влиянием эскалации борьбы за землю и давления продотрядов, вызывая социальную напряженность в крестьянской среде. Экономические издержки от большевистской социализации земли обесценивали труд деревенского жителя. Общественно-политическая и социально-экономическая напряженность приводили к маргинализации крестьянства, предвеляя начало мощных социальных потрясений.

Социализация земли запустила цепную реакцию изменений в сфере управления, организации производства, социального развития, натурализации крестьянского хозяйства, дальнейшей «аграрной инволюции» [7, с. 17], т.е. выкачивания прибавочного продукта из деревни, но теперь уже не царскими чиновниками, а большевиками.

Экономическим итогом социализации земли в Тамбовской губернии стало падение урожайности ведущих сельскохозяйственных культур, а также сокращение площади посева. Результатом стало значительное падение валового производства.